

Марина Писаревская

Ростислав Романович Лозинский: биография и докторская работа «Пастырь на приходе»

XX в. стал временем испытания для христиан в России, в чем-то сравнимым с временами гонений первых веков. Вера в Бога требовала от каждого христианина, особенно от священника, не просто исповедания, но постоянной готовности претерпеть за Христа любое испытание вплоть до смерти. Многие священники были убиты, многие страдали в концлагерях. Остальные стояли перед выбором: проповедовать Христа, нести веру в безбожный мир или стать для власть имущих «удобным батюшкой», что нередко было связано с прямым предательством Христа и Его Церкви.

Ростислав Романович Лозинский выбрал первый путь и никогда не сворачивал с него. Он жил светом Христовым, озаряющим и тех, кто был рядом с ним: родных, близких, верующих своего прихода. Об этом свидетельствуют люди, знавшие о. Ростислава, об этом свидетельствует вся его жизнь, и, в частности, его докторская работа «Пастырь на приходе», которая была написана как руководство для молодых священников и заключала в себе 40-летний пастырский опыт о. Ростислава. Он пишет:

Перед молодым священником предстоит множество примеров жизни светской и очень мало живых примеров для подражания духовного устройства жизни. Евангельские слова о двух путях — широком и узком — находят свое приложение к начинающему путь священства. Широкий путь — живи как все (светский образ жизни); все мне позволено... Евангельский узкий путь призывает пастыря ради пользы духовной, своей и ближних, себя во многом ограничить, в частности, уменьшить количественно удовольствия, сократить поток поступающей извне информации. Светским образом жизни пастырь себя опустошит и в конечном итоге погубит, а прихожан

оттолкнет уже в самом начале своего служения. Духовным устроением жизни священник сам будет восходить «от силы к силе» и поведет к жизни вечной верующих, Богом данных ему духовных чад. Духовная жизнь священника: молитва, подвиг, аскетизм, миролюбие. Две сферы духовной жизни имеют особо важное значение для благословенного пастырства: молитва и подвиг; согласно им необходимо строить свою духовную жизнь... [4, с. 27].

Биография

ЭСТОНСКИЙ ПЕРИОД

Биографических сведений о жизни Ростислава Романовича Лозинского немного. О его жизни в Эстонии подробно рассказывается в одной из глав книги Андрея Иванена об истории ивангородской Свято-Троицкой церкви на Парусинке (Штиглицкой).

Ростислав Романович Лозинский родился 27 февраля 1912 г. в Пскове. Отец — инженер-электрик, мать — педагог. В 1929 г. окончил гимназию в Тарту и поступил на богословский факультет Тартуского университета, который закончил в 1934 г. Пастырская деятельность о. Ростислава Лозинского началась в Ивангороде, который в то время являлся пригородом (форштадтом) Нарвы. В связи со смертью настоятеля Свято-Троицкой церкви о. Николая Ратьковского 14 февраля 1934 г. место настоятеля было объявлено вакантным. На вакансию претендовало три кандидата: замещавший настоятеля свящ. Григорий Троицкий, священник Усть-Наровской Владимирской церкви Евгений Яхонтов и Ростислав Лозинский, пока еще студент университета. Рекомендации и отзывы о нем были только положительные.

Приходской совет и общее собрание прихожан, решившее 29 апреля 1934 г. отказаться от выборов настоятеля и просить правящего архиерея назначить Ростислава Лозинского настоятелем прихода, приняли исключительно мудрое решение. Они проголосовали за человека, который вырос и сформировался в условиях независимой Эстонии, поэтому знал и понимал нужды русских людей в Эстонии не понаслышке: с одной стороны, эстонская культурная среда в силу своей молодости не могла быть опорой для русского, тем более православного сознания; с другой стороны, дореволюционная русская культура сохранялась лишь в традициях и сознании эмигрантов, новое поколение ее фактически

утратило. Для духовного сознания тех лет крайне важно было обрести себя в новой ситуации, заново оценить свое место в европейской культуре. В то же время советская пропаганда стремилась показать Советскую Россию как воплощенный рай на земле. В этой сложной, дезориентирующей мировоззренческой ситуации слово пастыря должно было быть и твердым, и аргументированным.

Именно таким было слово о. Ростислава. По воспоминаниям современников, о. Ростислав и о. Александр Киселев¹ стали ярким явлением духовной жизни Нарвы тех лет. Нарвитянка Вера Михайловна Круглова вспоминает:

Два молодых священника, о. Киселев и о. Лозинский, своими проповедями, своей страстной пропагандой православия сразу привлекли нарвитян. Их ходили слушать и молиться вместе с ними [3].

4 августа правящий архиерей рукоположил Ростислава Лозинского в сан дьякона, а на следующий день, 5 августа 1934 г. — в сан иерея. С этого дня о. Ростислав приступил к исполнению обязанностей настоятеля Свято-Троицкой церкви.

Помимо пастырской деятельности, о. Ростислав Лозинский преподавал в нарвской русской эмигрантской гимназии, где сменил на посту законоучителя о. Павла Дмитровского, избранного епископом Нарвским. Об этом времени сохранились воспоминания Ксении Григорьевой, учившейся под началом о. Ростислава:

...Сначала семью Лозинских поселили в квартире двухэтажного дома в парке, недалеко от ворот, в котором когда-то жили сами Штиглицы², а впоследствии — в одном из отдельных коттеджей, построенных для служащих льнопрядильной фабрики, располагавшихся за пределами парка. Обстановка была столь скромной и неброской, что запомнился только кабинет отца Ростислава, который можно было охарактеризовать одним словом: книги. Везде — на большом письменном столе, на подоконнике, на стульях громоздились книги и рукописи.

Познания отца Ростислава были очень разнообразными. Помимо богословия он прекрасно знал литературу, историю, искусство, иностранные языки.

1. Отец Александр Киселев – настоятель крепостной Успенской церкви, издавал религиозные журналы «Миссионерские заметки» и «Путь жизни».

2. Владельцы фабрики.

Поскольку автобус в то время ходил из города на льнопрядильную фабрику только один раз в день рано утром к началу рабочего дня и возвращался в город после конца рабочего дня, о. Ростислав приезжал (а, вернее сказать, мчался, подоткнув полы рясы) на занятия в гимназию на велосипеде.

Когда о. Ростислав появился в Нарве, он был самым молодым. От всей его высокой стройной фигуры веяло исключительным благородством. При этом о. Ростислав держался очень скромно и естественно [3].

Отец Ростислав был активным членом Русского студенческого христианского движения (РСХД), объединявшего не только студентов, но и молодежь вообще. Центр движения находился в Париже, возглавляли его известные русские религиозные деятели: священники Лев Липяровский, Сергей Булгаков, Сергей Четвериков, философы и историки В.В. Зеньковский и Н.А. Бердяев. Первый кружок РСХД был основан в Таллинне в 1924 г., но вскоре отделения движения создаются также в Тарту, Нарве, Печорах, Валге. В Печорском и Пюхтицком монастырях проводятся съезды РСХД Прибалтики. Деятельность движения была очень разнообразной и носила не только религиозный, но и культурно-патриотический характер, способствовала утверждению русского национального самосознания и распространению русской культуры.

Известно, что о. Ростислав Лозинский принимал активное участие в движении не только на местном уровне. В 1936 г. с 7 по 12 августа проходил общий съезд РСХД Эстонии в Каарепере (в 80 километрах от Тарту), посвященный памяти деятелей русской религиозной культуры. На таких съездах, как правило, устраивали временную домовую церковь, где служил священник съезда, которым в 1936 г. был о. Ростислав Лозинский. На утренних собраниях съезда звучали доклады на духовно-религиозные темы; в рамках съезда работали два семинара, одним из них — «Таинства Церкви» — руководил о. Ростислав Лозинский.

После прихода советской власти в 1940 г. преподавание Закона Божьего в гимназиях отменили. Начался новый период гонений на церковь. Прекратилась выплата жалования причту от администрации национализированных мануфактур. Как вспоминают современники, чтобы пропитать свою семью — мамушку и двух сыновей — о. Ростислав вынужден был браться за самую тяжелую физическую работу. Его взяли только грузчиком на фабрику в самый вредный для его больных легких красильный цех.

Рассказывали, что рабочие этого цеха (быть может, вчерашние его прихожане), сами быстро «перекрасившиеся», издевались над священником.

В начале Второй мировой войны, когда Нарву уже бомбили, заботой о Ростислава по-прежнему был любимый им храм, о котором до конца дней болело сердце. Благодаря его заботам храм практически не пострадал во время войны.

Служение в Свято-Троицкой церкви закончилось для о. Ростислава 1 марта 1942 г., когда он был переведен настоятелем Александро-Невской кладбищенской церкви в Таллин. Об этом периоде его жизни сохранились воспоминания митр. Таллинского и всея Эстонии Корнилия:

Отца Ростислава я знаю очень давно. Когда он появился в Таллине, я только окончил гимназию. Его энергия, молодость, деловитость, организаторские способности и определенная открытость привлекали к нему церковное юношество. Он принадлежал к новому поколению священников. Впервые мы встретились в военные годы, когда он стал настоятелем кладбищенского храма в Таллине. Храм был запущенным. Но, окормляемый таким пастырем, несмотря на войну, преобразился. Из кладбищенского превратился в приходской, богослужения стали постоянными, посещаемыми. Отец Ростислав, тогда молодой священник, умел находить контакт с людьми. Он не только совершал богослужения, но проводил и внебогослужебные беседы. Когда о. Ростислав начал служить в Таллине, были времена церковного раскола, митрополит Александр вышел из подчинения экзарха митрополита Сергия, то есть юрисдикционно перестал подчиняться Московской епархии. Отец Ростислав... остался в ведении епископа нарвского Павла, своего руководителя и наставника в пастырской деятельности.

Период служения о. Ростислава в Таллине был недолгим — 9 марта 1944 г., во время бомбежки советской авиацией, Александро-Невский храм, где он служил, был разрушен, и вскоре о. Ростислава перевели в Тарту. Но за короткий, примерно двухгодичный период о. Ростислав сделал много полезного для церкви: в частности, организовал духовное окормление лагерей интернированных в Эстонию русских людей из Брянской и Орловской областей, ездил туда для богослужений, раздачи Евангелий, гуманитарной помощи. Во время немецкой оккупации русское эвакуированное население находилось в четырех лагерях: Клоога, Пылькюла, Палдиски и Феллин. ...В этих лагерях находились в основном женщины и дети, существовал даже детский дом. Многие таллинцы брали к себе на воспитание детей из этих лагерей.

Одну из первых поездок в те лагеря я совершил вместе с о. Ростиславом. В одном из барачков устроили временную церковь, отслужили литургию

и даже крестили. Позднее в лагеря много ездили другие священники, в частности свящ. Михаил Ридигер³, но инициатива в организации этого важного дела в первую очередь принадлежит о. Ростиславу. Вообще нужно сказать, что о. Ростислав был, с одной стороны, человеком ума, а с другой — отличным организатором, человеком дела; в круг «дел», разумеется, входили и сами христианские дела. Я могу считать о. Ростислава своим учителем в пастырско-приходской жизни. Позднее, бывая у него в Туле, я всякий раз получал от него что-то важное и памятное для меня, нужное в церковной жизни. Я знаю, что отцу Ростиславу была предложена архиерейская кафедра в Эстонии, и он от нее отказался. Конечно, напрасно, потому что это был бы очень хороший архиерей [3].

С 12 октября 1944 г. по июль 1957 г. отец Ростислав — настоятель Успенского собора в Тарту и благочинный Тартуского округа.

С 12 июля 1957 г. отец Ростислав — священник-ключарь Преображенского кафедрального собора г. Иваново, состоял членом епархиального совета и замещал его председателя, занимал штатную должность преподавателя на курсах по подготовке иподьяконов.

В 1960 г. по семейным обстоятельствам (его младший сын заканчивал Ивановский мединститут) о. Ростислав вынужден был перейти в Костромскую епархию. Служил в приходах Костромы: «Спас на Запрудне», Александро-Антониновская церковь, затем ключарем в Иоанно-Златоустовском кафедральном соборе. Отец Ростислав не был «удобным» священником, но об этих трудных годах мы знаем мало, а сам Ростислав Романович написал в своей биографии коротко:

Частые переводы уполномоченным из одного прихода в другой и болезнь жены побудили перейти в августе 1968 г. в Тульскую епархию.

ТУЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Тульский период жизни о. Ростислава был гораздо более «стабильным»: только первые полгода он временно служил настоятелем храма св. Иоанна Предтечи в районном городке Венева, а с февраля 1969 г. и до выхода за штат в 1974 г. (по болезни) он — настоятель храма Святых Двенадцати Апостолов г. Тулы. Об этих годах в

3. Отец патриарха Алексия II.

автобиографии Ростислава Романовича Лозинского (очень короткой, в два машинописных листа) им записаны всего две строчки:

В 1970 г. овдовел. В 1973 г. похоронил сына — игумена Марка, профессора Московской Духовной Академии.

Ни слова о том, какую боль, какое горе он пережил, что переживал и понял. Но есть свидетельства в личных бумагах о том, как он искал различные средства лечения — в том числе и нетрадиционные, — для старшего сына Сергея (после рукоположения — о. Марка). Вот лишь несколько цитат из его докторской диссертации, которые показались спорными рецензенту работы прот. В. Рожкову:

...кто не видел, не переживал ощущения смерти, тот не знает самого главного в жизни...

...только верующему до конца открыта тайна смерти...

...потеря дорогих сердец наиболее полно открывает завесу двух миров...

...вместе с умирающим мы доходим до границы двух миров — призрачного и реального...

Подробно отвечая на все критические замечания, о. Ростислав именно на эти — промолчал. Умирая, он сказал тем, кто был рядом: «Не слез прошу у вас, а молитвы! Вы увидите: после моей смерти мы станем только ближе!»

В его докторской работе ⁴ есть слова о том, какой должна быть жена священника — пронзительные слова любви к жене (имеющий уши да услышит):

На долю матушки часто выпадает самая ответственная, трудная («черная») работа с душами человеческими. Только углубленная молитва и духовное устройство жизни даст матушке силы к несению своего подвига. Она должна быть для своего мужа, приходящего после трудов усталым и нервным, подобна ангелу хранителю. Священник о многом может поведать, излить скорбь сердца своей верной помощнице, а она должна хранить печать молчания. Священник, передав хотя бы часть своих переживаний матушке, испытывает облегчение, а бедная матушка все слагает в сердце своем и терпеливо в одиночестве переживает. Быть хорошей матушкой — подвиг... [4, с. 46].

4. В I главе: «Начинающему путь священства», в разделе «Осуществление пастырского идеала в жизни священника», подраздел «Семейная жизнь:

права и обязанности отдельных ее членов; жена священника, дети». В пункте «дети» — «Проблема «отцов и детей».

Чуть ниже, говоря о проблеме «отцов и детей», он пишет:

Семья священника, как «малая церковь» может быть счастливым исключением, если дети с малых лет будут видеть, что слова их родителей не расходятся с делами, если подлинно духовные основы и принципы будут лежать в основе взаимоотношений всех членов семьи.

О себе о. Ростислав говорить не любил, предпочитал слушать других, понимая, что большинство за этим и пришли. Но своего отношения к семье, детям, внукам, своей любви к ним не скрывал: показывал пришедшим к нему поделки и рисунки, присланные внуками (детьми младшего сына Бориса, врача), мог поделиться сокровенным желанием:

Вот бы приехал Боря в Тулу и стал бы доктором в монастыре, монастырскую больницу бы возродил...

Он мечтал о возрождении Щегловского монастыря, и не просто о том, чтобы там жили вновь монахи, а чтобы возродилась монастырская больница, странноприимное общежитие, и главное, на чем он очень настаивал, — чтобы появилась в Туле православная библиотека. Сам он книги читать давал охотно, но чем была его домашняя библиотека для такого большого города как Тула? — ведь тогда даже обычный молитвослов был редкостью.

Мы уже упоминали докторскую диссертацию, которую Р.Р. Лозинский защитил в 1989 году. До этого им были получены следующие научные степени: в 1934 г. — кандидата богословия Тартуского государственного университета, в 1961 г. — кандидата богословия МДА (после окончания академии экстерном), в 1968 г. — магистра богословия МДА.

С 1 февраля 1974 года о. Ростислав был за штатом, связь с храмом сохранял — в праздники «посильно помогал за богослужением». Встречаясь с о. Иоанном (Конюховым), который также был за штатом этого храма, они разговаривали долго и горячо на темы, живо их интересующие, и это, по словам самого о. Иоанна, были «не житейско-бытовые разговоры: речь всегда шла о Боге, о вере, о принципах христианской жизни и других “вечных темах”».

Ходить о. Ростиславу с каждым годом было все труднее, и вскоре он мог выйти, только если кто-то отвозил его на машине. Он и по дому ходил с трудом, но всегда встречал гостей сам, и был

очень щепетилен в том, чтобы стараться самому себя обслуживать. По воспоминаниям близких, в эти годы к нему приходило очень много людей, среди которых — тульские журналисты, представители интеллигенции. Он мог не помнить каждого человека, но в тот момент, когда говорил с кем-то, этот «кто-то» был для него важнее всего на свете, был центром, и смотрел о. Ростислав, казалось, прямо в душу [3].

О своей деятельности в автобиографии он написал совсем немного:

Мною были осуществлены: а) наглядная или «малая катехизация» в 5-ти приходах епархии: в притворе выставляется стенд (витрина) с картиной и текстом-объяснением праздника, житием, переводом тропаря и кондака; б) постоянно-действующая выставка в Крестовой Палате кафедрального собора — в 2-х стеклянных шкафах и 3-х стендах фотоснимки из жизни РПЦ и приходов епархии, праздновании 1000-летия Крещения Руси в других епархиях, прижизненные портреты, жития и иконы святых, канонизированных в 1988 г. и др. [5].

И все это о. Ростислав осуществлял в то время, когда «пропаганда православия» была прямо запрещена! Кроме того, он просил многих людей, приходивших к нему с желанием помочь, перепечатывать различные небольшие книги — сведения о монастырях, деятелях прошлого века и др. из того уникального книжного и рукописного собрания, которое у него было. Оно собиралось годами, везде и всегда, что-то приносили люди, которых он заразил любовью к истории. Перепечатанными книгами о. Ростислав охотно и активно делился. В его близком окружении было немало журналистов, поэтому удавалось иногда что-то «протащить» на страницы областных газет, которых, правда, тогда было всего две: «Коммунар» и «Молодой коммунар». Отец Ростислав активно занимался историей края, г. Тулы, особенно ее храмов. Написал книгу «Страницы минувшего (Очерки из истории Тулы, описание 66 храмов)», которая была напечатана только после его смерти, во времена перестройки, и выдержала два переиздания, став редкостью.

Отец Ростислав первым заговорил о необходимости спасения Всехсвятского кладбища, о чем власти и слышать не хотели. Он добился лишь организации полуподпольной группы молодых людей, которые начали приводить в порядок могилы, пытаться сохранить и описать редкие исторические надгробия, узнать что-

то о значимых в истории города людях. Со временем студенческая группа стала почти легальной. Один из активных участников группы ныне — известный краевед. Увлекательная история с расшифровкой текста на памятной доске храма Благовещения вкратце описана в упомянутой книге «Страницы минувшего».

В последние годы о. Ростислав активно искал сведения о Щегловском монастыре. Любые его изыскания в области истории храмов превращались для окружающих в увлекательные и захватывающие истории, так что остаться равнодушным было невозможно.

Вернемся к автобиографии о. Ростислава. Она завершается записью:

Из всех полученных за долгую жизнь наград укажу некоторые:

1928 г. — будучи учеником гимназии удостоен Похвальной Грамоты «за усердие и любовь к храму Божьему» (архиеп. Нарвский и Изборский Евсевий).

1984 г. — «во внимание к активному участию в жизни Церкви и в связи с 50-летием служения» право ношения Патриаршего (3-го) Креста. Имею ордена преподобного Сергия Радонежского II-й и III-й степеней [5].

Умер Ростислав Романович Лозинский Великим постом в светлый праздник Благовещения в 1994 г.

Пастырь на приходе

Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте. *1 Тим 4:12*

Обратимся теперь к докторской диссертации Ростислава Романовича Лозинского, к тем ее мыслям и идеям, которые представляются наиболее актуальными сегодня, в особенности, из первых двух глав.

Вступительная глава диссертации, носящей название «Пастырь на приходе», посвящена теме пастырского богословия. Заглавие работы определяет содержание — «раскрытие основ многообразного священнического служения в условиях приходской общины верующих». Отец Ростислав пишет о путях исторического развития пастырского богословия. На Западе, в католической церкви пастырское богословие получило детальную разработку и носит

характер инструкции для духовного лица при вступлении его в должность.

В протестантских странах со свойственным Западу дроблением существует много течений (направлений или школ), трактующих о значении и положении пастора в христианской общине. Пастор является главным образом учителем, и этим определяется круг его деятельности.

Лозинский пишет о том, что в России вопросы пастырства долгое время оставались наименее разработанными. В трудах первых русских богословов, затрагивающих вопросы пастырства, заметна тенденция к слиянию пастырского богословия с другими предметами, а именно у архим. Антония (Амфитеатрова) и архим. Сергия (Ляпидевского) с практическим богословием, у архим. Кирилла (Наумова) и архим. Бориса (Плотникова) с нравственным богословием. Начиная с 1814 г. в системе академического образования в России вопросы пастырского характера рассматривались совместно с нравственным богословием, и сам предмет носил название «Христианское благоразумие». И лишь к началу XX в. заметно усиление интереса к богословскому определению сущности православного пастырского служения.

Стало очевидно, что не вопросы пастырства следует присоединять к гомилетике или педагогике, или нравственному или практическому богословию, а что эти дисциплины подчиняются или входят в состав объема Пастырского Богословия [6].

Отец Ростислав ссылается на мнение вл. Антония Храповицкого:

Богословие не узкая, замкнутая научная доктрина, а... сама жизнь во всех ее проявлениях [6].

Профессор церковного права Санкт-Петербургской духовной академии Михаил Семенов характеризует вл. Антония как пример пастыря:

Будучи ректором последовательно почти всех духовных академий, Владыка был противником всякой рутины, административных строгостей, дисциплинарных взысканий и призывал добиваться исполнения правил, уставов и программ учащимися только по свободной воле [6].

Свободная воля — самое ценное, что есть в человеке, она является основой нашего Богообщения, эту мысль Лозинский полностью разделял. Он писал:

Жизнь пастыря невозможна без подвига, без самоотвержения и полной отдачи себя служению ближним. <...> Для пастыря аскетическое начало необходимо, чтобы стать лучше и духовнее, получить духовную независимость, навык побеждать греховные стремления. Чем меньше священник трудится на пути аскетическом, тем слабее он будет понимать живую душу людей... Священник всегда и во всем должен иметь в виду душу приходящего к нему, ее вечное спасение... [6].

В первой главе («Начинающему путь священства») о. Ростислав советует иметь перед глазами идеал православного пастыря:

Чем раньше сознательное следование идеалу засияет в душе, тем светлее будет путь священника; жить без идеала — все равно, что плыть по морю без руля.

Он сетует, что таких примеров немного в нашей жизни, но указывает на то, что многие русские пастыри являются подлинными образцами христианского душепопечения. Из наиболее близких нашему времени иерархов и протоиереев о. Ростислав называет св. Иоанна Сергеева, Валентина Амфитеатрова, Григория Постникова, Алексея Мечева [4, с. 22].

Лозинский подчеркивает, что священник должен быть всесторонне развитым и образованным, иметь многие специальные качества: организатора и строителя, способности певца и чтеца, талант общения с людьми.

Но над всем этим... должны доминировать молитвенность и духовность пастыря. Приходы ждут не строителя или прораба, не певца-артиста, а молитвенника, своей духовностью могущего проникнуть во все сферы... и все одухотворить, приблизить к святости... Священник остается священником всегда и везде [4, с. 22].

В другом месте о. Ростислав пишет:

Прежде всего ему необходимо посвятить всю жизнь Богословию в самом широком понимании этого слова, науке из наук, объемлющей не только

целый ряд научных дисциплин, но понимаемой как совокупность ведения о Боге, как тесную крепнущую связь с Воплощенным Богом Словом. Священник... всю жизнь должен заниматься богословскими науками, быть богословом по призванию [4, с. 23]. <...> Священник с психологией земного человека мечтает о власти, о предстоянии (т. е. стоянии впереди других), а пастырь духовного направления заботится о представительстве, т. е. как стать заступником, ходатаем пред Богом за своих прихожан, за всех людей, о всем мире [4, с. 25].

Вторая глава носит название «Храм — центр всей церковно-приходской жизни». В подразделе «Литургическое служение священника» о. Ростислав, в частности, пишет:

Центром всей церковно-приходской жизни является храм, а основанием, главной движущей силой храма является молитва. Говоря о богослужении, мы говорим о соборной молитве всей общины верующих.

Поэтому священник и его помощники должны приложить все усилия, чтобы те мысли и чувства, которые вложены составителями священных песнопений в богослужебный текст, дошли до понимания, до сознания молящихся. Нельзя допустить, чтобы в храме читалось и пелось, а народ стоял безучастно, не понимая и не сопереживая священные слова. В сноске о. Ростислав добавил:

Как кощунственно звучат слова ходящих в храм: «отстоять» службу или «отстоять» молебен, панихиду. Не молился человек, а стоял бездушно, как дерево в лесу [4, с. 61].

Лозинский сетует:

Многие прихожане ценят совершение уставных богослужений, любят выстаивать многие часы за торжественными службами, многие из мирян считают себя сведущими в тонкостях Церковного Устава. При всех этих познаниях внешних сторон богослужения часто внутренняя сторона, содержание богатства Православного богословия, для огромного большинства остается закрытым и малопонятным. Долг священника повысить активность духовно-нравственной и церковно-богослужебной жизни верующих [4, с. 61].

Чтобы возбудить интерес к внутреннему богословскому содержанию всего того, что совершается в храме, священнику, по мне-

нию Р.Р. Лозинского, следует вести верующих путем, начертанным церковью в своем богослужебном плане:

...Раскрывать содержание, взаимосвязь и историческую основу отдельных служб богослужебного дня, недели, больших и малых праздников. Недостаточно вывешивать на церковных дверях расписание служб, нельзя ограничиваться сухим (казенно-формальным и потому скучным!) перечислением... богослужений. Объявляя об имеющихся службах, священник должен в кратких словах дать яркую характеристику намеченных служб, раскрыть их внутренний смысл [4, с. 62].

Далее о. Ростислав дает конкретные советы по тем или иным службам, например:

...Перед неделями подготовительными к Великому посту священник заранее может указать прихожанам о начале пения молитвы «Покаяние», о глубоких по содержанию стихирах служб мытаря и фарисея, блудного сына... Молитвословия этих седмиц раскрывают сущность покаяния, смирения, нашего обращения к Богу Отцу, и их следует по возможности выделить среди других (например, пением под канонарха) [4, с. 62].

Важное значение, по мнению о. Ростислава, имеет проповедь.

Проповедь за Литургией прочно вошла в церковный обиход и имеет традиции в прошлом. Также необходимо обращаться к прихожанам с живым пастырским словом и за вечерними богослужениями... Произнесением «слова» за всенощной служба оживляется, празднуемое событие становится ближе, устанавливается внутренняя связь между вечерним и утренним богослужением. В сердцах верующих все богослужение приобретает единое направление, одну полную глубокого смысла идею — спасение человека [4, с. 64].

В «Заключении» к своей докторской работе Р.Р. Лозинский пишет:

Последние страницы работы «Пастырь на приходе» были написаны в праздник Воздвижения Креста Господня. В этом совпадении есть глубокая символичность: *крест, пастырь* и *община верующих* неотделимы друг от друга, они имеют глубочайшую внутреннюю связь. <...> Нет ничего страшнее и блаженнее пастырского служения. Через пастырей земных Сам Господь пасет Свое стадо. Истинное пастырство есть продолжение спасительного

служения Христа на земле. Только тот может быть пастырем и вести людей в Жизнь Вечную, кто сам знает Пастыря и кого Пастырь знает... Пастырство есть «служение примирения», понимаемого в самом широком значении. *Мир в своей душе* — есть залог всего пастырского делания. *Мир в своей семье* — это не только личное счастье священника, но огромная нравственная сила в приходской жизни. *Мир в приходской общине* — это христианство, практически осуществляемое на земле. *Забота о мире во всем мире* (молитва и участие в начинаниях общего миротворения) — это долг священника, как гражданина и убежденного пацифиста [4, с. 37].

Заканчивается работа словами:

Молитвенная жизнь самого пастыря и всей общины верующих несомненно принесут благословенный плод пастырского душепопечения, объединят пастыря и пасомых в одну христианскую семью, идущую общей дорогой в Царство Небесное.

Огради, Господи, мя и моих чад духовных силою Честнаго и Животворящего Твоего Креста, и сохрани нас от всякого зла [4, с. 38].

Эта работа очень важна и сегодня, спустя почти тридцать лет после ее написания. К сожалению, многие священники идут не тем путем, который открывается в опыте о. Ростислава, настоящего духовного пастыря для многих и многих людей. Те христиане, кто всерьез услышал призыв Христа возлюбить не только Бога, но и ближнего, призыв к священству, могут найти в этой работе много важного и полезного. Трудно идти по пути святости, и любой истинно духовный опыт здесь очень ценен.

«Богослов и ученый, тонкий лирик и проповедник, а прежде всего — пастырь» — так отзывается об о. Ростиславе Андрей Иванен [3]. Можно было бы привести много других, еще более восторженных отзывов об этом человеке. Для тех, кто знал о. Ростислава, встреча с ним была встречей со святым человеком, полностью отдавшим себя Богу. Он был тяжело болен, но к нему шли и шли люди за советом, за помощью, за молитвой, которая, по свидетельству многих, творила чудеса. Отец Ростислав был настоящим пастырем, который на вопрошание Христа к нему о любви, отвечал словами ап. Петра *. Ему и было доверено Богом: «паси овец Моих», и этого доверия он никогда не предал.

* Ин 21:15–17

Ростислава Романовича Лозинского, так или иначе, знает большинство туляков, и не только по книге «Страницы минувшего». В Туле есть улица его имени, и это не просто признание со стороны властей, а свидетельство настоящей любви людей, которых он привел к Богу.

Литература

1. Извольская И. «Всемеру — благоразумие» // Воскресение: историко-публицистический альманах. 1995. № 1.
2. Лозинский Р.Р. Страницы минувшего. Очерки истории тульского края. Тула — 1979–1994 гг. Тула, 1994.
3. Иванен А. Протоиерей Ростислав Лозинский: «Всемеру — благоразумие» // Мир Православия. 2001. № 9 (42). Режим доступа: <http://www.baltwillinfo.com/mp9-01/mp-14.htm> — 18к.
4. Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО). Ф. Р-3950. Оп. 1. Д. 15.
5. ЦНИТО. Ф. Р-3950. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.
6. ЦНИТО. Ф. Р-3950. Оп. 1. Д. 1–20.